

В. А. Зайцев

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ КАЗАНСКОЙ ПРЕССЫ

Тема празднования в Казани столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года затронута в ряде современных публикаций¹. Однако освещение юбилея в казанской прессе пока не становилось самостоятельным предметом исследования. Проблема представляется актуальной в силу того, что до сих пор авторы, так или иначе обращавшиеся к теме юбилея, опирались почти исключительно на официальные архивные документы. Из периодической печати ими привлекались в лучшем случае консервативная газета «Казанский телеграф» и официозные «Казанские губернские ведомости». Земская «Казанская газета» и либеральная «Камско-Волжская речь» фактически игнорировались исследователями. Узость источниковой базы неизбежно накладывала отпечаток на выводы и оценки научных публикаций.

Между тем на протяжении всего 1912 г. пресса создавала своеобразный информационный фон вокруг юбилея и в итоге нарисовала кардинально отличные картины самого празднования. Изначально празднование задумывалось в целях укрепления политического режима, из-за чего инициатива в освещении подготовки юбилея попала в руки сил, идейно близких власти. С точки зрения объема публикаций консервативные и праволиберальные издания дают гораздо больший материал для анализа. Либералам, отстраненным от организации празднования, в своих изданиях приходилось только реагировать на события. Отношение к юбилею левых сил остается неясным, однако очевидно, что официальный сценарий и для них был неприемлем. При сопоставлении публикаций периодических изданий, посвященных празднованию победы в Отечественной войне, обнаруживаются ключевые разногласия, характерные для разных общественно-политических доктрин². Кратко назовем главные из них.

Газеты и журналы можно рассматривать как продолжение «серьезной» историографии, содержащее ее основные положения в упрощенной, доступной обывателям форме. В юбилейном году выходило огромное количество книжных изданий, посвященных войне, и периодическая печать старалась сориентировать своих читателей с помощью рецензий³. «Казанские губернские ведомости» рекламировали издания, выпускавшиеся на правительственные субсидии массовыми тиражами для широких слоев населения и для учащихся⁴. Искусственно созданная доступность изданий – их заниженная цена, принудительное распространение, наряду с тенденциозностью, становилась объектом критики либеральных журналистов.

Примеры рецензий, которые имеет смысл сопоставить – это отзыв в «Казанском телеграфе» на фундаментальный труд «Отечественная война и русское общество», изданный товариществом И.Д. Сытина⁵, и рецензия в «Камско-Волжской речи» на книгу Т.П. Мятлевой, изданную Всероссийским национальным клубом⁶. В этих книгах фиксируется разное отношение к Александру I: в одном случае доказывается, что Александру не по плечу было тягаться с Наполеоном, в другом причинами войны провозглашается твердость Александра и наглость Наполеона. Примечательно, что к этим изданиям формально выдвигались схожие претензии: дилетантизм либо неизвестность в научном мире авторов и редакторов, даже таких, как А.К. Дживелегов и С.П. Мельгунов, отсутствие «главного» в тексте сочинений и перегруженность несущественными деталями. Диаметральная противоположная оценка французской революции и чрезмерный, по мнению рецензентов, объем революционной темы по отношению к общему объему книг также вызывали нарекания.

В целом французской буржуазной революции, ее критике и апологетике уделялась масса внимания в газетных публикациях, посвященных войне 1812 года.

Либеральная печать отмечала, что успешная борьба России с Францией давала повод трубить о победе над «гидрой революции», олицетворенной в наполеоновской армии; однако сами либералы не склонны были преувеличивать революционность Бонапарта в 1812 г., который к тому времени превратился во вполне контрреволюционного монарха⁷.

В статье священника А. Кулясова буржуазный либерализм критиковался и преподносился как «страсть к роскоши и падкость на „легкую“ жизнь» – они-де и подточили крепость Франции. Из-за этой смуты в ее жизнь вмешались соседние государства, и тогда же выдвинулся Наполеон Бонапарт, который «спас ее честь», т.е. вновь обратился к консерватизму, и в этом смысле деятельность Бонапарта автором статьи одобряется. Но со

временем император стал смотреть на солдат как на орудие для удовлетворения своего черствого, жесткого честолюбия, и именно личные качества этого человека будто бы стали причиной нападения Франции на Россию в 1812 г.⁸ Для консервативно настроенных журналистов характерно объяснение причин войны через «властолюбие Наполеона», который возмечтал один господствовать над всеми⁹. Бонапарт будто бы был воплощением страшного самолюбия и сатанинской гордости, в душе его не было места для христианской любви и смирения; несоблюдение же Тильзитского мира и прочее называются не причинами, а поводами к войне¹⁰. Вообще, для правых авторов характерно преувеличение роли личности в истории, субъективного фактора, а также частые отсылки к неисповедимому божественному промыслу.

Именно Наполеон Бонапарт стал одной из центральных медийных фигур в 1912 г. Популярность этой личности в России и Европе в XIX и XX вв. давала повод правой прессе во время празднования задаться вопросом, что, собственно, Россия отмечает – победу в Отечественной войне или нашествие Наполеона? Казанские журналисты с неудовольствием констатировали: «Чествуют как будто не русских героев, а Наполеона и его сподвижников»¹¹. Даже при отрицательном отношении к Бонапарту как нелегитимному монарху, тирану и «антихристу» практически всеми авторами признавался его гений. Например, офицер Казанского военного училища Н. В. Колесников, составивший для губернского земства юбилейную брошюру, выдержанную в национально-консервативном духе, в другой своей публикации на страницах либеральной «Камско-Волжской речи» соглашался с тем, что до сих пор Кодекс Наполеона имеет значение, и восклицал: «Наш враг, истребитель столицы, антихрист все так же популярен и у нас, и в той стране, легионы которой он покрыл неуязвимой славой. Сколько скульпторов, художников и поэтов он вдохновляет!»¹².

В либеральной прессе образ Бонапарта зачастую обрастал положительными коннотациями, поскольку ассоциировался не только и даже не столько с походом в Россию, сколько с буржуазной европейской цивилизацией. Как ни парадоксально, для правых борьба с Наполеоном как раз и была защитой «всего цивилизованного мира» от «новых варваров»¹³ с перспективой всемирной христианской миссии в будущем в ее православном варианте¹⁴. И для консерваторов, и для либералов было характерно представление, что именно русские боролись за европейскую цивилизацию, но в это понятие вкладывался разный смысл: для правых главными были христианство и монархизм, для либералов – права и свободы, секуляризм и т.п. Такая разная трактовка была оправдана, поскольку

ку либерализм и консерватизм как идеологии являлись продуктами именно европейской цивилизации.

Для авторов «Казанского телеграфа» борьба России с Францией была не только борьбой двух народов, отстаивавших свои жизненные интересы; это было вместе с тем идейное столкновение двух наций с двумя противоположными мировоззрениями¹⁵. При этом националисты, сочетавшие консервативные и либеральные взгляды, отмечали, что на современном им Западе консерваторы и либералы «спаяны таким культурным цементом, как национальное самосознание»¹⁶, который их объединяет, а русские либералы, с их точки зрения, «неправильны», поскольку космополитичны.

Для либеральной прессы свойственно объяснение начавшейся войны социально-экономическими причинами. Например, в «Камско-Волжской речи» было опубликовано краткое содержание речи профессора Н. Н. Фирсова, произнесенной им на торжественном акте в Казанском университете. В ней он опровергал тех, кто считал, что война началась из личных противоречий монархов. Истинными причинами войны, по мнению профессора, были блокада, удорожание товаров, отвлечение некоторых кругов дворян от либерализма¹⁷. Либералы больше обращали внимания на общий социально-экономический контекст войны 1812 года, нежели на сами боевые действия. В их изображении «на анекдот походила тогдашняя Россия. <...> Право – сожжено, Доброта – сжита со света»¹⁸. Крепостничество рассматривалось как преобладающий фон Отечественной войны. Наполеон объективно нес буржуазные начала в феодальную Россию и если не собирался освобождать крестьян, то, во всяком случае, заигрывал с ними, поскольку отчетливо видел слабость России в ее социальном строе¹⁹.

Авторы всех без исключения казанских изданий констатировали объединение сословий в борьбе с врагом, но существенная разница заключалась в трактовке характера войны. Для черносотенцев было характерно акцентирование роли дворянства как первенствующего сословия, ставшего во главе всех других сословий, как это явствует, например, из речи предводителя московского дворянства А. Д. Самарина, помещенной в «Казанской газете»²⁰. Националисты и октябристы, говоря в контексте юбилея об итогах выборов в земство, тоже указывали на первенство дворянства тогда и сейчас, и парадоксально продолжали: дворянство «кость от кости народных масс и связано с ними национальным сознанием, историческим родством»²¹. Они декларировали современную гражданскую зрелость русского крестьянина, овладевшего собственностью и освобожденного от уз общины, и выводили эту зрелость из того же 1812 г., тем самым отстаивали русский вариант бонапартизма, хотя при этом яростно критиковали само-

го Бонапарта²². Кадетствующие авторы, напротив, подчеркивали главную роль крестьянства и утверждали, что именно оно вынесло на себе основные тяготы войны²³. По их мнению, хотя участие в войне принимали все сословия, выигрыш от ее победоносного завершения был неодинаков для разных классов: большинство населения испытало только моральное удовлетворение, материальную же пользу от победы над Францией получил «коммерческий люд»²⁴.

Для всех публикаций в прессе характерна констатация всенародного подъема в 1812 г., но причины этого явления виделись по-разному. С точки зрения правых, народ поднялся по зову Александра I, и в этом его единении с монархом состоит главный урок войны²⁵. Для либералов было свойственно представление о том, что народ тогда поднялся сам, без приказа начальства, и в этом росте самосознания заключается значение Отечественной войны: «Везде вооружались и поселяне, и горожане, не дожидаясь ни призыва, ни разрешения...»²⁶

По мнению консерваторов, народ защищал свою свободу и национальную независимость, а по суждениям либералов, народ, кроме отстаивания суверенитета государства, надеялся и на социальное освобождение, на отмену крепостного права.

Причина победы России виделась консерваторам в том, что народ «был воодушевлен чувством горячей любви к родной земле и жадной сохранению своей политической независимости», и в том, что он объединился вокруг царя и вдохновлялся православной верой: «С нами Бог, разумеете языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!»²⁷. У либералов фигурируют те же главные причины победы – это любовь к родине и поддержка армии народом, дополненные материальными причинами – пространством страны и ее климатом²⁸. При этом по-разному трактовался народный дух: для одних он включал в себя веру в Бога и верность царю, в рамках этой доктрины отечество не мыслилось отдельно от монарха и религии²⁹, для их оппонентов народный дух проявлялся в любви к согражданам³⁰. При этом следует оговорить, что хотя почти всеми авторами употреблялось понятие «гражданственность», смысл в него вкладывался разный: в зависимости от контекста оно отсылало к сословности и монархизму, либо к русскому этносу, либо к буржуазной нации.

Важнейшим событием осени 1912 г. были выборы в Государственную Думу, и юбилей Отечественной войны повлиял на предвыборную риторику. Националисты и октябристы призывали «добрых русских патриотов» к развитию экономической мощи страны. Проводилась аналогия между Александром I, призвавшим народ на бранный труд, и Николаем II, при-

завшим представителей от народа на труд мирный, прежде всего в Государственной Думе. При этом, разумеется, в Думу должны были пройти только «истинно русские люди» для работы на пользу «неделимой России»³¹. Так авторы стремились зафиксировать status quo третьеиюньской монархии. Декларируя борьбу «за христианскую государственность и христианскую культуру, за арийскую культуру против дикого натиска семитических принципов, идей и учений», консерваторы уподобляли кадетов и их «инородческих» союзников нашествию двенадцать язык³². Защищаясь, либералы с ироничной тревогой отмечали, что скоро, по-видимому, состоится «решительный бой с иноплеменными инородцами» и констатировали, что «теперь вся политическая грязь „Казанского телеграфа“, выливаемая на головы его политических противников, будет связываться с Отечественной войной»³³.

Тем не менее и для журналистов «Камско-Волжской речи» юбилей стал поводом сплотиться в борьбе с «врагами» – только для них это были представители правящего режима, а для отдельных авторов – представители эксплуататорских классов. Дело в том, что в радикально-демократической традиции социально-политическое значение 1812 г. заключалось в пробуждении чувства независимости – сначала политической, а затем и народной. В войне виделся моральный удар по крепостническому укладу, истоки декабризма и подготовка условий для великих реформ 1860-х годов, а впоследствии, пусть и опосредованно, – для революции 1905 г.: «Пусть будем верить все открыто, без боязни, / В свободу и в народ! / Поверим, что пора великому народу / Расправить мощи длань... / И будет вера та двенадцатому году / Достоянейшая дань»³⁴. Проводились параллели с современностью даже на уровне метафор, например, революция 1905 г. сопоставлялось с Бородином – это была в большей степени моральная победа и предвестница полной победы над самодержавным режимом в будущем.

Рассуждая об Отечественной войне в контексте современности, журналисты разных изданий констатировали взаимоисключающие тенденции: одни отмечали в последние годы подъем патриотического настроения, которое дополняет стихийный патриотизм, и вместе с тем русского народного самосознания³⁵, «здорового, трезвого национализма»³⁶, другие говорили об упадке общественной энергии и расцвете «зоологического эгоизма»³⁷. В действительности, авторы говорили об одной и той же послереволюционной ситуации, но как бы слева и справа – об укреплении режима и подъеме консервативного и буржуазного национализма и о временном отступлении демократической революции. Тем не менее получалось, что все политические субъекты черпали вдохновение для своей политической

деятельности в событиях Отечественной войны 1812 года, по-своему их интерпретируя.

При ближайшем рассмотрении оказывалось, что политические пристрастия в оценках самой войны в итоге повлияли на оценку юбилейных торжеств.

Поскольку празднование стало государственным делом, в нем должны были быть задействованы учреждения и ведомства, подчиненные министерствам. Однако в Казанской губернии земские и городские органы, подконтрольные Министерству внутренних дел, в целом поздно и довольно вяло отозвались на призыв организовывать празднование. Земство ограничилось посылкой делегации в Бородино и выпуском брошюры³⁸, а Казанская городская дума и вовсе самоустранилась от организации и финансирования юбилея³⁹. Это создало в империи своеобразный прецедент и привело к созданию по инициативе губернатора М. В. Стрижевского особого Организационного комитета, который контролировался губернской администрацией и чинами военного округа и в гораздо меньшей степени – земцами и думцами⁴⁰. Невозможность или нежелание финансирования юбилея силами городской казны стало поводом к пародийным стихам в «Камско-Волжской речи»: «Искони мы патриоты, / Мы понимаем, – сто лет. / «Праздновать» полны охоты, / Только что... денег вот нет»⁴¹.

Юбилей, приуроченный ко дню Бородинского сражения 26 августа, стал ярким событием в жизни города и привлек всеобщее внимание горожан. Все празднично гуляющие по улицам города определялись властями как верноподданные, по крайней мере, если следовать логике телеграммы губернатора М. В. Стрижевского Николаю II⁴². Так в официальной документации происходила подмена понятий: факт прихода человека на торжество будто бы означал его преданность монарху. Либералами же подчеркивалось, что это были именно зрители, пассивные потребители развлечений. Например, описывается пестрая толпа пришедших из уездов губернии русских и мордовских крестьян: «Все это стянулось поглядеть – как в Казани будут праздновать памятную годовщину»⁴³. Общее впечатление толпы всего дня то, что она пришла смотреть зрелища, но не знала, на что и в каком порядке смотреть⁴⁴.

Настроение толпы описывалось неодинаково. «Казанская газета» отмечала «удивительную сосредоточенность, серьезность... даже благоговейность», отсутствие давки и шума, хулиганов и пьяниц. Общий вывод земской газеты состоит в том, что вышло на редкость хорошо для Казани, в которой обычно никогда ничто не удается⁴⁵. «Камско-Волжская речь», напротив, отмечала шумность происходящего, отсутствие настроения

у толпы, при этом у публики был вид ожидающий и какой-то нерешительный. Народные манифестации и пение не упоминались, наоборот, утверждается, что редкая песня на рабочей окраине обрывалась, едва начавшись, – петь отвыкли⁴⁶.

Сохранилось мало источников, непосредственно передававших умонастроения тех масс горожан, что заполнили собой улицы Казани 26 августа 1912 г. Однако даже в «Казанском телеграфе», приподнято описывавшем поведение публики, попадались статьи, буквально воспроизводившие подслушанные репортером диалоги на улицах. И разговоры эти показывали чувства интереса и восторга, но не монархического, а восторга от зрелища как такового⁴⁷. Диалоги демонстрировали чувства людей, вовлеченных в вихрь новых развлечений, необычных для сонной провинциальной Казани. «Да, здорово! <...> Больше этого простой народ не говорил ничего»⁴⁸.

Программа празднования и ее исполнение в мельчайших подробностях раскрывались на страницах «Казанской газеты» и «Казанского телеграфа». В массе публикаций последних дней августа и начала сентября указывалось на полное единение празднующих, отсутствие серьезных организационных недочетов. «Камско-Волжской речью», напротив, подчеркивалось разделение программы развлечений для элиты и всех остальных: разглядеть молебен и парад войск казанского гарнизона без пригласительных билетов было почти невозможно, торжественный акт в дворянском собрании был закрытым. При описании крестного хода, парада и акта широко использовался троп отстранения: «Шумно, с пением несут бородатые союзники со значками свои штандарты. Сердито отгаются звуки команды»⁴⁹.

Одним из главных пунктов программы празднования было открытие памятника М. И. Кутузову. В описании «Казанского телеграфа» памятник предстает как «изящно-красивое украшение всей Театральной площади»⁵⁰, «Камско-Волжской речью» он оценивался как крайне неудачный, а его открытие состоялось без всякой церемонии⁵¹.

Различно описывалось убранство города. «Камско-Волжская речь» отмечала немногие отдельные недурно украшенные дома, но констатировала отсутствие цельности. «Казанский телеграф» подчеркивал вклад частных лиц в украшение своих домов, главным образом, это относилось к домам городской буржуазии.

Даже погода в этот день оценивалась по-разному. Либералы описывали гнетуще знойный день, который понижал настроение, только вечерняя прохлада и иллюминация внесли какое-то оживление⁵². Консерваторами нехарактерная для конца августа жара воспринималась как удача для празднования, пыль же явилась простым следствием недостаточного полива улиц⁵³.

Разница в описаниях юбилея подкрепляет вывод о том, что празднование было не столько общенародным, сколько общегосударственным. Жесткие идеологические установки ограничили значительную часть общества, которая не прочь была праздновать, но не по спущенному сверху клерикально-монархическому сценарию. Освещение столетнего юбилея войны в прессе демонстрировало, что высказывание субъекта больше говорило о самом субъекте, нежели об объекте высказывания. Избитая фраза об извлечении уроков из Отечественной войны сама по себе лишена смысла: представителями разных классов, жителями разных государств, гражданами или подданными, людьми религиозными или атеистами – всеми из войны извлекались и ныне извлекаются собственные уроки. И правоконсервативная, и либерально-демократическая, и даже революционно-демократическая традиции – все они более или менее органично включали в себя память об Отечественной войне 1812 года, ища в ней идейные основания для самих себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слава победы над Наполеоном не померкла и через 100 лет: Празднование 100-летия Бородинского сражения в Казани // Республика Татарстан. 2003. 13 мая. № 95; Федотова О. В. О праздновании в Казанской губернии 195-летия Отечественной войны 1812 года // Эхо веков=Гасырлар авазы. 2007. № 7. С. 170–172; Зайцев В. А. К вопросу о праздновании столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Казани // Материалы Лихачёвских чтений, 2–5 апреля 2012 г. Казань: РА «PR time», 2014. С. 229–236; Благов Ю. А. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в учебных заведениях Казани // Пятые Кремлёвские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Военная история России: мифы, факты и память» (Казань, 21–23 ноября 2012 г.). Казань: Фолиант, 2014. С. 34–39; Карташёва Е. И. Историческая память и праздничная культура (по материалам празднования 100-летия Отечеств. войны 1812 г. в Казани и Казанской губернии) // Там же. С. 124–130.

² Политические разногласия не отменяли факта использования образов войны в коммерческой рекламе всеми газетами. Например, «Казанский телеграф» опубликовал рекламу коньяка на основе поэмы М. Ю. Лермонтова «Бородино»: «Да, коньяки есть и другие, / Но все, конечно, не такие. / Не зря вся матушка-Россия / Пьёт шустовский коньяк!». См.: На мотив Бородина // Казан. телеграф. 1912. 17 апр. № 5691.

³ Година бед и славы // Там же. 1912. 29 апр. № 5702.; *Рождествин А.* Рец. на кн.: Отечественная война 1812 г. / Сост. К. Травин. Казань, 1912 // Там же. 1912. 6 мая. № 5707; и др.

⁴ Библиография к юбилею Отечественной войны // Казан. губерн. ведомости. 1912. 12 мая. № 32.

⁵ *Книгочий.* Сытинские историки // Казан. телеграф. 1912. 15 авг. № 5788.

⁶ *Вс. Д.* Рец. на кн.: *Мятлева Т.П.* Наполеон Бонапарт и Россия, 1812 год. Изд. Всерос. Нац. клуба // Камско-Волж. речь. 1912. 29 июля. № 169.

⁷ *Понизовский.* Отечественная война и народ // Там же. 1912. 21 авг. № 186.

⁸ *Кулясов А.* Великий урок // Казан. газ. 1912. 26 авг. № 35.

⁹ *Игорь.* Казань, 26 августа 1912 г. // Там же.

¹⁰ Речь О. А. Соловьёвой, произнесённая преподавательницей истории 14 октября 1912 г. на юбилейном акте Патриотической прогимназии в Адмиралтейской слободе // Казан. телеграф. 1912. 21 окт. № 5841.

¹¹ Странный факт // Там же. 1912. 3 авг. № 5779.

¹² *Колесников Н.* Наполеон // Камско-Волж. речь. 1912. 26 авг. № 191.

¹³ *Игорь.* Указ. соч.

¹⁴ *Б. Б.* Юбилейные дни // Там же.

¹⁵ *Дроздов Б.* Император Александр I в 1812 году // Казан. телеграф. 1912. 26 авг. № 5797.

¹⁶ *Бэта.* Великие воспоминания // Там же.

¹⁷ В университете // Камско-Волж. речь. 1912. 28 авг. № 192.

¹⁸ 1812 год в анекдотах // Там же. 1912. 21 июля. № 162.

¹⁹ *Понизовский.* Отечественная война и народ // Там же. 1912. 25 авг. № 190.

²⁰ Столетняя годовщина Бородинского боя // Казан. газ. 1912. 2 сент. № 36.

²¹ *Тор.* Итоги земских выборов // Казан. телеграф. 1912. 23 авг. № 5794.

²² *Бэта.* Указ. соч. ²³ *Лодкин И.* 1812 год – год народной славы // Казан. газ. 1912. 26 авг. № 35.

²⁴ В университете.

²⁵ *Смолянинов И.* Сила народная // Казан. телеграф. 1912. 21 июня. № 5744.

²⁶ *Лодкин И.* Указ. соч.

²⁷ *Игорь.* Указ. соч.

²⁸ В университете.

²⁹ Великие воспоминания // Казан. телеграф. 1912. 19 июня. № 5742; *А. Н.* Чествование столетней годовщины начала Отечественной войны в Казанском лагере // Там же. 1912. 22 июня. № 5745.

- ³⁰ *Понизовский*. Отечественная война и народ // Камско-Волж. речь. 1912. 26 авг. № 191.
- ³¹ Казань, 26 августа 1912 г. // Казан. телеграф. 1912. 26 авг. № 5797.
- ³² Предстоящая борьба // Там же. 1912. 1 авг. № 5777.
- ³³ *Самсонов В.* Начинается! // Камско-Волжская речь. 1912. 5 авг. № 175.
- ³⁴ *Вдовин А.* Памяти 1812 года // Там же. 1912. 26 авг. № 191.
- ³⁵ *Б. Б.* Указ. соч. ³⁶ *Бэта.* Указ. соч. ³⁷ *Понизовский*. Отечественная война и народ // Камско-Волжская речь. 1912. 21 авг. № 186.
- ³⁸ Юбилей двенадцатого года и земство // Казан. телеграф. 1912. 24 июня. № 5747.
- ³⁹ *А. Дм.* Из заседания городской думы // Там же. 1912. 9 авг. № 5783.
- ⁴⁰ *Н.* Отношение города к торжествам // Там же. 1912. 28 авг. № 5798; Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12809. Л. 74–77.
- ⁴¹ *Фланер.* Юбилейные размышления // Камско-Волжская речь. 1912. 12 авг. № 180.
- ⁴² Всемиловейшая телеграмма Государя Императора // Казан. газ. 1912. 2 сент. № 36.
- ⁴³ *Лишний.* Общие впечатления // Камско-Волжская речь. 1912. 28 авг. № 192.
- ⁴⁴ *Н. Г.* Редкая для Казани... // Там же.
- ⁴⁵ Столетняя годовщина Бородинского боя.
- ⁴⁶ *Н. Г.* Редкая для Казани...
- ⁴⁷ Впечатления. (Негативы) // Казан. телеграф. 1912. 28 авг. № 5798.
- ⁴⁸ *Д.* В Русской Швейцарии // Казан. телеграф. 1912. 28 авг. № 5798.
- ⁴⁹ *Лишний.* Указ. соч.
- ⁵⁰ Убранство города // Казан. телеграф. 1912. 26 авг. № 5797.
- ⁵¹ *Н. Г.* Редкая для Казани...
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Н.* Указ. соч.